

Тридцать три дня испытаний

Мой дом опять превратился в камеру пыток. Дочка уехала в лагерь на тридцать три дня. Я отмечала их в календаре, как заключённый отсчитывает дни до освобождения. Моя малышка была единственным светом, единственной причиной держаться. Только ради неё я продолжала дышать.

Он пил. А я запиралась в комнате дочери и читала мантру — для него. Последнее, что было в моих силах. Я боялась оставить его одного, быстро выходила в магазин, накинув любимый чёрный плащ прямо на ночную сорочку. В эти минуты я сама чувствовала себя живым трупом — и он был таким же.

Я умоляла его поехать в больницу: у него появились пугающие симптомы. Но он отказывался, словно действительно жаждал смерти. Я обзванивала его друзей, умоляя о помощи, но в ответ слышала лишь невнятные отговорки.

Когда наконец удалось добиться его госпитализации, я впервые за долгие месяцы смогла сделать глубокий вдох. Пусть ненадолго — но я смогла расслабиться.

Я лежала на кровати, обездвиженная тяжестью, что сковала каждую мышцу. Казалось, само время остановилось. И в этой гнетущей тишине я провалилась в забытьё, а сквозь него прорвался знакомый безличный мысленный голос: «Ты согласна уйти сейчас из воплощения?»

«Согласна, — ответила я без колебаний, — я не хочу здесь больше жить. С меня довольно».

Но в ответ мне показали вереницу лиц — знакомых и незнакомых. Людей, которых моё решение увлечёт за собой, потому что мы сплетены одной кармической нитью. Их судьбы оборвутся вместе с моей. И тогда я выдохнула: «Останусь».

Останусь — но смысла в этом не видела. Внутри что-то надломилось с сухим, оглушительным треском; я физически слышала этот хруст в самой глубине себя. Надлом произошёл не из-за больниц или тяжёлых состояний, а из-за людей. Я истратила все силы в борьбе: с собственным сопротивлением, с противодействием группы, с глухой обороной в семье. А главное — я отчётливо чувствовала холодное сопротивление самого Посланника. И её отношение решало всё.